

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

“РУСЬ ОРДЫНСКАЯ”*

В последнее время нередко можно слышать утверждения, в том числе от приличных на первый взгляд историков, что никакого татарского ига на Руси-де не было. Или что было, но либо не иго, либо не татарское и т. д., и т. п. Дошло до того, что даже из единого учебника истории тема татарского ига вроде бы должна исчезнуть, дабы не травмировать нежные души некоторых россиян, чьи предки причастны к этой величайшей трагедии Средневековья. Им-де тяжело жить с комплексом исторической вины, а это-де не способствует установлению общегражданского единения.

Авторы такого политкорректного бреда пытаются утверждать, что наши современные татары в Татарстане на самом деле никакие не татары, а вовсе даже волжские булгары, противостоявшие некогда татаро-монгольским полчищам Субудэй-Багатура (интересно, куда же в этом случае делись все потомки золотоордынцев и тех казанских татар, что творили набеги на Русь, на Москву?). Эти бредотворцы пытаются даже самих татар убедить в том, что они не татары, а волжские булгары, и вовсе не мусульмане, а тенгрианцы, и что согласно данным ДНК-генеалогии, казанские татары на 60% родственны русским, а значит, русский с татаринцом (булгаринцом тож) – братья навек, и да здравствует нерушимые мир и дружба между ними.

Спору нет, мир и дружба – дело хорошее, кто же против. Вопрос только в том, на каком основании, истинном или ложном, они зиждутся. От этого зависит, насколько они будут прочны, нерушимы.

Из соображений политики одни люди нередко лгут другим, эффективно достигая этим своих целей. Но никаких целей не достигнет тот, кто лжёт самому себе.

Вот для того, чтобы не множить ложь, я предлагаю читателям краткий очерк, что происходило между русскими и татарами, начиная с 1230-х годов, и вплоть до того времени, когда великий князь и царь Иван Третий отказался платить дань Орде и разорвал ханский ярлык. Хотя и после того ордынцы

* Выражением “Русь Ордынская” я считаю необходимым и возможным заменить выражение “Владимирская Русь” в той части её истории, которая началась и окончилась вместе с татарским игом, поскольку ни о каком суверенитете Владимирского княжества в условиях ига и прогрессирующей раздробленности говорить не приходится. Кроме того, историкам вряд ли удастся провести определённую временную границу, за которой гегемония среди русских городов переходит от Владимира к Москве, в то время как полный и окончательный переход суверенитета от Орды к Москве датируется 1480 годом вполне определённо и однозначно. Соответственно, именно с этого момента Ордынская Русь (1237–1480) уходит в прошлое, а будущее открывается перед уже Московской Русью вплоть до Петербургского периода нашей истории.

творили сокрушительные набеги – взять хоть сожжение Москвы ханом Девлет-Гиреем в 1571 году, а крымские татары последний свой набег сотворили всего за несколько лет до взятия нами Крыма, в 1769 году. Но эти поражения и убытки несравнимы с тем, что творилось в течение четверти тысячелетия, о которых мы вспоминаем как о татарском иге.

Итоги татарского ига для русского народа

Вначале поговорим о том, какими культурными, духовными потерями и убытками обошлось нам столь долгое и жестокое владычество инородцев – людей, глубоко чуждых нам не только расово-антропологически, но и по своей культуре, религии и языку, по цивилизационной принадлежности.

Прежде всего, отметим, что базовый слой русской культуры – культура собственно Киевщины, вотчины полян, самого большого, сильного и цивилизованного из летописных племён – оказался снесён под корень. Ликвидировано оказалось само это главное русское племя, племя-лидер в своём, как сказал бы Гумилёв, “вмещающем ландшафте” или, в терминологии биологов, экологической нише, ареале расселения. Бóльшая часть полян в результате падения Киева в 1240 году была просто уничтожена физически. Как повествует русская летопись: “Взяша Киев татары, и святую Софию разграбили, и монастыри все, и взяли иконы и кресты и узорочье Церковное, а людей, от мала до велика, всех убили мечом”. Хорошо известно также независимое свидетельство папского легата Джованни Плано Карпини, направленного святым престолом в ставку великого хана Гуюка с дипломатической миссией. Путь лежал через ставку Батая Сарай, а до него приходилось ехать через бывшие земли Киевского княжества, где, по словам этого свидетеля, “бóльшая часть людей Руссии была перебита Татарами или отведена в плен”. И далее Карпини отмечает о татарах: “Они пошли против Руссии и произвели великое избиевание в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведён почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжёлом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Руссию”. К началу XIV века киевлян оставалось всего не более нескольких сот человек.

Если вспомнить, что прежний Киев насчитывал от 50 до 80 тысяч жителей, то станет понятен масштаб потерь. Судя по изысканиям современных антропологов и генетиков, полян на киевщине после Батая практически не осталось. Из тех, что уцелели, часть бежала на край света (то есть к берегам Белого и Баренцева моря, на Мезень и Печору, к Каргополю, на Новгородчину, на Кольский полуостров и в район Вятки, где пролежала тогда северо-восточная граница русского расселения), а часть укрылась на острове Хортица за днепровскими порогами, положив начало этногенезу запорожского (впоследствии кубанского) казачества. Именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что на территории бывшего Киевского княжества не сохранилось и не было записано фольклористами ни одной древнерусской песни или былины (они записаны, напротив, именно на Русском Севере от потомков тех переселенцев), не осталось ни одной каменной постройки домонгольского периода (кое-что сохранилось лишь в перестроенном в стиле “украинского барокко” виде). Так что претензии современных украинцев на наследство Владимира Святого совершенно беспочвенны: этот относительно новый народ никакого отношения к реальной Киевской Руси и её достижениям не имеет: украинский этногенез начался не ранее XIV века и только после татарского разорения, в результате обширной и интенсивной метисации покинувших леса древлян, а также выходцев с Карпат, чигов, чигиринов, берендеев, бродников, обитателей днепровских и донских плавней, беглого элемента и проч.

Между тем, именно с полянами и Киевом связаны и наиболее важные исторические вехи первых столетий русской государственности, и наиболее важные культурные достижения (в том числе письменная литература), и цивилизационная, в том числе религиозная ориентация на Византию, – иными словами, все основы древнерусской национальной идентичности. А с учётом

того факта, что сам Киев и другие города Западной Руси оказались – в связи с общерусским разгромом от татаро-монгол – беззащитны перед лицом польской и, особенно, литовской экспансии, они попали в орбиту западной цивилизации, выпав из процесса становления собственно русской локальной культуры и русской культурной идентичности.

Таким образом, вполне правомерно в связи с татаро-монгольским нашествием и последующим игом ставить принципиальный вопрос не только о геноциде, но и об этноциде древнерусского народа, каким мы знаем его к середине XIII века. Попав под иго, этот народ обладал одной национальной идентичностью, одним национально-культурным обликом, а сбросив иго спустя четверть тысячелетия, оказался совсем с другим лицом. Это во многом был уже другой народ.

Попробуем детализировать этот важный вывод.

Человеческие потери, жертвы

Кровавый и разрушительный поход Батые на Русь был не первым и не последним опытом татаро-монгольской агрессии на наши земли. Всего в общей сложности историки насчитывают за 1237–1472 годы не менее 55 только крупных походов монголо-татар на русские княжества, сопровождавшихся сокрушительными погромами русских городов, массовыми убийствами и уводом в полон русских людей, не считая малых набегов татарских феодалов, каждый из которых, конечно же, также оборачивался для русских материальным уроном и людскими потерями. Татарские набеги продолжались и после того, как само по себе иго было сброшено Иваном Третьим, только теперь пальму первенства у Орды перехватили вначале казанские, а затем крымские татары, в особенности после установления над последними турецкого сюзеренитета. Последний крымско-татарский набег состоялся в 1769 году, всего за два года до падения Крыма; тогда в полон было уведено 20 тысяч русских людей.

Из наиболее страшных, разорительных татарских походов на Русь следует назвать кампанию 1237–1241 годов под руководством Батые. Тогда от разгрома и опустошения из всех древнерусских княжеств уцелели только Смоленское, Пинское, Витебское, Полоцкое княжества и большая часть территории Новгородской феодальной республики. Всё остальное было сокрушено. А южное Переяславское, Киевское и Черниговское княжества фактически перестали существовать.

А затем последовали так называемая “Неврюева рать” 1252 года, когда “татарове же рассунушася по земли... и люди бецисла поведоша до конь и скота, и много зла створиша”; разгром юго-восточной окраины Руси и разорение Курска в 1275 году: “татарове велико зло и велику пакость и досаду створиша христианом, по волостем, по селам дворы грабише, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, и облупившие нагого пустят”; 1281 год, когда большая рать Ковдыгая и Алчидая разрушила Муром и Переяславль, разорила окрестности Суздаля, Ростова, Владимира, Юрьева-Польского, Твери, Торжка; 1285 год, когда “князь Елторай Ординский, Темирив сын, приходи ратию на Рязань, и воева Рязань, Муром, мордву, и много зла створиша”; страшный, памятный 1293 год: “в лето 6801 Дюден приходил на Русь и плени градов 14 и пожье”, в том числе Муром, Москву, Коломну, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Можайск, Волок, Дмитров, Угличе-Полле. “Того же лета царевич татарский Тахтамир приеде из Орды на Тверь, и многу тяжесть учини людем”. По пути через владимирские земли этот отряд “овех посече, а овех в полон поведе”. Тогда от Мурома до Твери татары “положиша всю землю пусту”; 1322 год – разорение Ярославля; 1327 год – разорение Твери и городов Тверского княжества; 1382 год, когда хан Тохтамыш сжёг Москву, погубив многие десятки тысяч москвичей; 1408 год – татары под предводительством Едигея разоряют Серпухов, окрестности Москвы, Переяславль, Ростов, Юрьев, Дмитров, Нижний Новгород, галицко-костромские и белозерские земли; и мн. др¹.

Даже если вспомнить только первый приход Батые, следует отметить, что в одной лишь Московской земле погибло 2/3 всех селений, в лесистой долине Оки – 9/10, ну, а в степных и лесостепных районах, где татарский коннице было легче разворачиваться, истребление русского народа было ещё страшнее. Кое-что о судьбе, например, Киевщины сказано ранее.

Что собой представлял обычный набег татар на русские города и деревни? Даже в гораздо более поздние времена, когда ига как такового уже давно-давно не было, набеги татар всё ещё носили страшный – смертоносный и разорительный – характер. Так, в 1680 году была составлена ведомость о разорении Белгородского края от крымских татар, она рисует вполне типовое событие: “Всего взято и побито и позжено в приход воинских людей Крымскаго хана с ордами в Белгороде и в иных городах... русских людей и черкас и жен и детей и всяких чинов людей три тысячи двести пятьдесят восемь человек... И всего недорослей мужска и женска полу восемьсот сорок человек... Да у них-же взято двадцать четыре тысячи сто девяносто три скотин, 4828 ульев с пчёлами, да у них сожжено 4 церкви да 688 дворов, 4 мельницы, 8 хуторей”².

Нужно помнить также, как справедливо замечает А. В. Тюрин, что “если монголы сжигали поле или увозили хлеб, это означало для деревни голодную смерть, и прятки в лесной чаще несли высокую смертность для слабых... Каждый набег, помимо увода пленников, сопровождался уничтожением тех, кого нельзя увести в плен, – в первую очередь, младенцев и стариков”. Что говорить, если даже для русских князей в ряде случаев поездки в Орду кончались смертью (черниговский князь Михаил Всеволодович, великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович, князь из подмосковного Дмитрова... В XVI веке на протяжении 20 лет в Орде казнили трёх тверских князей, до этого убили рязанского князя и т. д., всего около десятка.)

Татаро-монголы вообще отличались исключительной беспощадностью – и не только на Руси, но и везде, где являлись как завоеватели. Ряд народов (например, тангуты) были ими вообще истреблены, сведены под корень. Русские как народ уцелели, но...

Что касается непосредственно тех недоброй памяти столетий, что связаны с игом, тут, как полагает историк С. А. Ершов, суммарные людские потери русских от врагов-иноземцев с 1237 по 1500 годы составляют свыше 6,5 млн человек³. Из них абсолютное и относительное большинство относится к периоду, заканчивающемуся взятием Москвы в 1382 году Тохтамышем (включительно). Понятно, что в эту цифру включены и потери от столкновения с западными соседями – немцами, шведами, поляками, литовцами. Но львиная доля приходится, конечно же, на татаро-монголов⁴.

Что означает эта цифра – 6,5 млн человек в масштабах Древней Руси? На момент прихода татар население Владимира и Рязани составляло, по разным оценкам археологов, от 15 до 25 тысяч человек, Новгорода – порядка 30 тысяч. Население всего вообще Владимиро-Суздальского княжества оценивается историками максимум в 800 тысяч человек. А в целом все древнерусские земли в период нашествия Батыя насчитывали порядка 5–7 миллионов обитателей. Так что ущерб следует считать громадным. Прикинем также к названной цифре потерь количество русских детей, которые могли бы родиться от всех убитых и уведённых в полон, но так и не родились в своём исконном ареале обитания, на Руси...

Необходимо понимать, что высокая плотность населения – важнейший экономический фактор, толкающий страны на путь интенсивного развития вместо экстенсивного. На Руси всё произошло строго наоборот: экстенсивное развитие вместо интенсивного стало для нас роковым обстоятельством, до сих пор обуславливающим экономическое отставание России от так называемых “развитых стран”. Корни этого явления следует также видеть в обстоятельствах татарского нашествия и ига.

Следует подчеркнуть, что разные летописные племена, ещё сохранявшие свою отдельность, свои особенности, пострадали от нашествия по-разному. В меньшей степени пострадали словене, дреговичи и кривичи, в наибольшей – поляне, северяне, вятичи, уличи, радимичи. На них пришёлся основной удар татаро-монголов, они понесли самые страшные и невосполнимые потери. Особо следует иметь в виду, что убивали в бою (и после боя), а также уводили в полон наиболее сильных, здоровых, красивых человеческих особей, в результате чего русский генофонд терпел непоправимый ущерб, а русский народ в целом испытывал биологическое захудание.

Святое Писание недаром утверждает: “Кровь есть душа”. Человеческие утраты таких масштабов предлагают задуматься о том, что на смену одному народу, русскому по названию, пришёл под тем же именем физически другой

народ. Последствия чего сегодня, например, болезненно и даже трагически сказались на Юго-Западе Руси, именуемом ныне Украиной. Ну, а если говорить о тех далёких временах, то приходится ставить вопрос об изменении биологической основы, а с ним — о перемене национального менталитета, а с ним — собственной этнической идентичности.

Попутно необходимо заметить, что сами по себе татаро-монголы не оставили следа в русском генофонде. Этот факт сегодня признан и не оспаривается этнологами. Татары не жили на Руси, они не держали в наших княжествах постоянного войска, расселяя только баскаков для сбора налогов, в сопровождении небольших отрядов — и то обычно вне черты русских городов и крупных сёл, в так называемых “татарских слободках”. Расово-этническое смешение на русской земле было минимальным, поэтому монголоидный компонент вообще никак в нас не отразился. Это установлено как антропологами, так и генетиками, которые согласно утверждают: “Базовый, главный вывод, который следует из проведённого изучения русского генофонда, — это практически полное отсутствие в нём монголоидного вклада”⁵.

Но эти важнейшие для истории русского этноса наблюдения о соотношении европеоидных и монголоидных компонентов следует здесь, однако, воспринимать à propos. Они не могут отменить того факта, что в средние века в течение столетий татарами был проведён геноцид русских, объективно изменивший их физическую природу.

Утрата городов, изменение их облика

Весь образ жизни Гардарики-Руси резко изменился в связи с нашествием. “Страна городов” потеряла значительную часть своей столь важной самобытности и привлекательности, своего цивилизационного преимущества.

Первый же удар татаро-монголов — вторжение Батыя — обернулся разорением множества русских городов. Для некоторых из них главная беда была не в разорении, а в полном исчезновении (например, древний Курск, прославленный в “Слове о полку Игореве”, в результате набегов совершенно запустел в XV веке и был повторно основан лишь в 1568 году). Четырнадцать городов, уничтоженных татарами в XIII веке, исчезли навсегда. Пятнадцать городов из перспективных торговых и ремесленных центров превратились в небольшие сёла. На грани исчезновения бывали такие многократно разрушенные и разорённые города, как Владимир, Рязань, Муром, Суздаль, Переяславль-Залесский. На Дону от многих былых городов к концу XIV века остались лишь городища — остатки поселений. Неоднократно сжигалась и вырезалась Москва — в 1238-м, 1293-м, 1382-м, 1571 годах, не считая похода Едигея в 1408 году, который саму Москву хоть и не взял, но опустошил окрестности. Подобным опустошительным, разорительным образом были ещё в 1237–1239 годах лишены былого значения 49 русских городов, среди них столичный Владимир, Старая Рязань, Суздаль, Переяславль-Залесский, Волок-Ламский, Кашин, Тверь, Ржев, Дорогобуж, Вязьма, Стародуб-на-Клязьме, Боголюбов, Торжок, Коломна, Муром, Нижний Новгород. На восстановление этого значения уйдут столетия, огромные силы и средства русского народа.

Особенно важно отметить, что упадок русского градостроительства, причинённый нашествием, принял глубокий и затяжной характер. Обложив русских тяжкой данью и регулярно уводя в полон в Орду русских ремесленников, татары затормозили экономическое развитие Руси в целом, а названную сферу, требующую слаженного труда больших специализированных коллективов, — в особенности. Доктор исторических наук В. А. Кучкин отмечает, что “в первые 50 лет ордынского владычества на Руси не было построено ни одного города”⁶. А американский исследователь Д. Миллер в 1989 году опубликовал статистически обработанный материал о каменном строительстве в русских городах с 1138 по 1462 год. Выяснилось, что домонгольский уровень удалось восстановить только 100 лет спустя после Батыева нашествия⁷. Скольких трудов и жертв это стоило. . .

Между тем, для деревянной Руси, чьим постоянным несчастьем, роком и бичом были пожары, каменное строительство имело важнейшее принципиальное значение. Но городская Русь оставалась деревянной вплоть до XVIII века (а местами и до нашего времени), терпя от этого колоссальные убытки и культурные потери. Приостановка и деградация каменного строительства

сказались, разумеется, и в области русской архитектуры как искусства. “Благодарить” и за это мы должны татар.

Тем временем архитектура и градостроительство Западной Европы ушли далеко вперед, и уже в XV веке никто там не стал бы нарекать Русь “Гардарикой” – Страной городов, отличая её тем самым от европейских стран. Наше конкурентное цивилизационное преимущество в результате ига оказалось утрачено навсегда.

Материальные потери – денежные, ценностные

Если правду говорят, что деньги – кровь экономики, то правда и то, что экономика Древней Руси была чудовищно обескровлена татарами из-за выплаты регулярной дани, которую д. и. н. Кучкин характеризует как “тяжёлый податный пресс, наложенный завоевателями на покорённое население русских княжеств”⁸.

Сами по себе походы татар на Русь в 1237–1240 годах уже носили, конечно же, разбойничий, грабительский характер, но начиная с 1245 года грабёж под видом дани стал регулярным и систематическим. Именно в указанном году в Новгородской летописи появляется запись о новой монгольской инициативе: “И сочтоша в число, и начаша на них дань имати”.

Взимание регулярной дани поначалу производилось лишь в тех русских землях, где поблизости зимовали батыевы войска, прочие же земли от выплат уклонялись. Но это удавалось недолго. В 1252 году на Русь прибыл отряд татар, подчинённых чиновнику высокого ранга (“битекчи”, с тюркского – “писарь”) Берке, привезшему приказ о всеобщей переписи населения и имущества. Чем татары и занялись прилежно на всей покорённой территории. Учёт данников и сбор дани производились по десятичной системе: десяток крестьянских хозяйств под контролем десятника, составленная из таких десятков сотня – под контролем сотника, далее тысяча и тьма (десять тысяч), соответственно, контролировались тысячником и темником. Десятники и сотники назначались из местных жителей; тысячники и темники были из монгольских чиновников-баскаков. Баскаки жили, охраняемые специальными отрядами, в отдельных поселениях вне черты подлежащего их контролю города или села (главный среди них, “великий баскак”, имел ставку в Муроме). Вот так осуществлялась постоянная власть хана над русским народом, существовавшая параллельно княжеской власти и стоявшая над ней.

Всей Русью ведали к концу XIII века 43 налоговых тьмы – 16 в Западной Руси и 27 – в Восточной (15 тем во Владимирском княжестве, по пять тем в Новгородской земле и Тверском княжестве и две тьмы – в Рязанском). Таким образом, никто из русских не мог остаться вне монгольской “дренажной системы”, систематически выкачивающей из него “экономическую кровь”. Первоначально прямой налог, ясак, составлял десятую часть “со всего” и выплачивался селянами натурой – шкурами зверей от медведя и бобра до соболя. Вскоре десятина была монетизирована и выплачивалась деньгами (серебром). В отдельных случаях она могла взиматься урожаем или иными товарами. Как пишет в книге “Путешествие в восточные страны” монах Гийом де Рубрук, ездивший к монголам по указанию Людовика IX в 1253–1255 годах: “Когда русские не могут дать больше золота или серебра – татары уведят их и их малюток, как стада, чтобы караулить их животных”.

Казалось бы, “десятина” – десятая часть прибытка – это не так уж много, вполне “по-божески”. На самом деле десятиной дело не ограничивалось. Всего известно 14 видов “ордынских тягостей”. Из них на первом месте был так называемый “выход”, или “царева дань”, “ордынская дань” (та самая десятина для монгольского хана); таможенная пошлина (“мыт”, “тамга”) – её платили горожане золотом⁹; содержание конно-почтовых станций, извозные повинности (“ям”, “подводы”); содержание многочисленных разнообразных ханских послов с их свитами (“корм”); “туска” – подношения в дар приехавшим правителям или посланникам; различные “дары” и “почестья” хану, его родственникам и приближенным и др. Периодически собирались большие внеочередные платежи на военные и другие нужды – “запросы”; а также штрафы за неповиновение, бунты и т. п. Существовал также чрезвычайный военный налог – “кулуш”, которым иногда заменяли поставку в Орду рекрутов.

При этом, разумеется, обязанность поставлять воинов в монголо-татарские войска и принимать участие в их военных походах против Венгрии, Польши, народов Северного Кавказа, Византии и т. д. — «налог кровью» — оставалась одной из самых обременительных тягот.

Единственная категория населения, освобождённая монголо-татарами от любых поборов и налогов, это были священники, вообще Церковь, в обязанность которой за это была вменена публичная молитва за монгольского вождя и вообще за власть захватчиков.

Основная уплата дани осуществлялась серебром, что для Руси, не имевшей собственных серебряных рудников, было непросто. В каком количестве платили?

Исходя из сведений конца XIII века, историки подсчитали, что в год Владимиро-Суздальская Русь платила Орде примерно полторы тонны серебра. В середине XIV века каждая тьма на северо-востоке Руси платила в среднем по 400 рублей «ордынского выхода» (рубель при монголах состоял из 216 копеек). В период княжения Дмитрия Донского дань с Великого княжества Владимирского составляла уже 5000 рублей серебром. Нижегородско-Суздальское княжество в тот же период платило 1500 рублей, Московское княжество — 1280 рублей. В целом это примерно те же полторы тонны чистого серебра. Неизвестны размеры дани, выплачивавшейся с Рязанского, Тверского, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Юрьевского, Суздальского, Смоленского княжеств и Новгородской республики.

Историки считают, что общая сумма ордынской дани с русских земель составляла не менее 15000 рублей в год. Что эта сумма означала для русского крестьянства, главного налогоплательщика, составлявшего основное население? К примеру, в Пскове в конце XV века на 1 рубль можно было купить примерно от 47 до 243 пудов зерна, смотря по урожайности года¹⁰. Значит, каждая русская деревня должна была отдать Орде примерно по 2 тонны зерна.

Само собой понятно, что многочисленные разнообразные выплаты в адрес завоевателей не отменяли обычные выплаты в адрес собственных, русских князей, продолжавших собирать свои налоги в уделах. Таким образом, суровое обнищание населения, обложенного более нежели двойной повинностью, было предопределено на долгие два с половиной века.

Избиение и увод в полон лучшей части мужского населения внесли свою специфику в русскую жизнь не только в плане захудания генофонда, о чём уже было сказано, но и вообще в плане обустройства быта и хозяйства, ведь это дело, как и пахота, всегда лежало преимущественно на мужских плечах.

Для пришедшего в заметный упадок, обезлюженного сельского хозяйства Руси всё это было нелегко. Ведь ему был нанесён завоевателями огромный ущерб. Земли Западной Руси запустели и почти вовсе вышли из оборота, во многом то же случилось и с центральными районами Северо-Восточной Руси. Исчезновение и упадок десятков городов, бегство уцелевшего сельского населения в глухие лесные чащобы Русского Севера, Верхнего Поволжья, Заволжья — всё это означало консервацию примитивного натурального хозяйства как господствующего типа экономических отношений. Как отмечал ещё академик Б. А. Рыбаков: «Русь была отброшена назад на несколько столетий, и в те века, когда цеховая промышленность Запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батыея»¹¹.

Чрезвычайно показательным, что чеканка монеты в северо-восточных княжествах возобновилась только в 80-х годах XIV века, то есть спустя 150 лет после нашествия Батыея. Это свидетельствует не только о фактическом «вымывании» серебра из русского оборота, но и вообще о захирении товарно-денежных отношений на Руси. Русская земля, русский народ оказались лишены возможности развиваться, были резко отброшены назад с былых экономических позиций, утратили конкурентоспособность по сравнению со странами Европы.

Духовные потери — церковное, монастырское, княжеское и т. д. имущество, сокровища сёл и городов

Татарское разорение далеко отбросило Русь не только в экономическом, но и в культурном отношении. Разорение и полное разрушение городов, сожжение и прекращение строительства церквей, служивших средоточиями

артефактов и книг, увод в полон и убиение ремесленников и художников, обрыв художественных традиций, вывоз серебра и золота, служивших важнейшим материалом для ювелиров и вообще мастеров прикладных искусств, резкое сокращение покупательной способности русских людей, а с ней — и рынка художественных изделий, которые стало некому и не из чего творить, и некому и нечем оплачивать... Татары осуществляли тотальный грабёж русского населения без каких-либо правил, творя десятки набегов, больших и малых.

Всё это, не говоря уж об общем нравственном и эмоциональном фоне русской жизни и быта под татарским игом, буквально убивавшем русское искусство и культуру, не исключая и письменную. Отчаяние и пессимизм, упадок духовных сил владели живущими. Рухнула общая грамотность, перестали стабильно вестись летописи. Навсегда или очень надолго (на 150–200 лет!) исчезают сложные ремесла, которыми славилась домонгольская Русь: резьба по камню и кости, производство стеклянных украшений, перегорчатой эмали, черни, зерни, скани, полихромной поливной керамики и др.

Непоправимо пострадала архитектура — мы никогда уже не сможем себе представить, как выглядела наша страна до прихода монголов. И, конечно, сегодня во многом утрачены представления о русской школе живописи, поскольку от всего огромного количества домонгольских икон сохранилось едва каких-то пять десятков. А ведь архитектура и живопись — суть главные столпы искусства, его несущие конструкции, вокруг которых всегда выстраивается едва ли не вся иерархия ремёсел и искусств.

Всё это происходило именно в те века, когда в Европе восходило Высокое Средневековье, создавались шедевры готического искусства, творили Джотто, прерафаэлиты, Филиппо Липпи, Боттичелли, Ван Эйки, подготавливалось Возрождение. Возникали новые технологии и эстетики, развивался капитализм и накапливались материальные богатства, закреплялись традиции ремесленных цехов и свободных искусств и т. д., и т. п.

Конечно, пожары в деревянной Руси и до татар, и после ига наносили страшный ущерб русской культуре. Но никакого сравнения нет и даже быть не может с тем систематическим и планомерным вытаптыванием русского культурного поля, которым мы обязаны татарам. Это хорошо видно на примере русской книжности.

Книги

Крупнейший знаток вопроса Б. В. Сапунов утверждает: «Книжные богатства Древней Руси составляли 130–140 тысяч томов... С точки зрения автора, это оптимальная, а далеко не максимальная величина книжного фонда Руси X — середины XIII в.»¹².

Сапунов с печалью констатировал трагическую судьбу ранних русских книг; он считал и повторял неоднократно, что от былых книжных сокровищ домонгольской Руси до нас дошли лишь доли одного процента¹³.

Гибель 99 процентов книжных фондов любой эпохи и любого народа не назовёшь иначе, как культурно-информационной катастрофой.

Что случилось? Отчего произошла эта ужасная катастрофа? В чём причина этой трагической гибели?

Сапунов называет целый ряд таких причин. Среди которых на первом месте — пожары, от которых непрерывно страдала Древняя Русь. Пожары были как стихийными, так и умышленными, во время вражеских нашествий и междоусобных княжеских войн. Русские города захватывались и горели как до, так и после татарского ига. По подсчётам Н. Я. Аристовой, с 1055 по 1238 год по Руси прокатилось 80 областных войн, некоторые из которых тянулись по 12–17 лет¹⁴. Тот же Киев как минимум дважды был захвачен и разгромлен половцами, в 1096 и в 1203 годах. Плачевная сохранность фонда русских манускриптов имела многие причины, выделить среди которых главную, на первый взгляд, невозможно. Ведь почти все они действовали на всем пространстве Руси — и пожары, и междоусобицы, и нашествия иноплеменных — печенегов, половцев, литовцев, поляков, немцев, шведов и т. д.

Но это только на первый взгляд. При более вдумчивом анализе главная причина становится всё же очевидной: это татаро-монгольское нашествие

и последовавшее за ним иго. Два обстоятельства свидетельствуют об этом неопровержимо.

1. Во-первых, обстоятельства места. Где лучше всего и больше всего сохранились домонгольские русские рукописи? Только в двух регионах на всём необъятном пространстве Киевской Руси: в Новгороде и в Галицко-Волынской (Червонной) Руси. То есть именно там, куда татары либо вообще не достигли, либо не принесли тотального разорения. Сапунов уточняет: “Новгородское наследие составляет никак не менее 1/2 всех сохранившихся книг, вернее даже, что их ещё более”¹⁵.

А где меньше всего, хуже всего сохранилось рукописное наследие? Сапунов: “Книжные сокровища почти всех городов центральной и северо-восточной Руси погибли при монгольском нашествии”¹⁶. . . К сожалению, дошедшие до наших дней подлинные списки памятников киевской письменности весьма малочисленны (а поскольку изначально и до самого своего падения в 1240 году самым главным центром русского книгоделания был именно Киев, то по этим жалким остаткам, неизвестно как, где и каким чудом сохранившимся, можно вообразить себе, насколько чудовищный урон был нанесён именно его наследию, едва ли не полностью уничтоженному. — **А. С.**)”¹⁷. . . Другие области Древней Руси не оставили заметного числа письменных памятников домонгольского времени”¹⁸.

2. Во-вторых, следует обратить внимание на некоторые обстоятельства времени.

Открыв “Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.” (М., 1984), мы узнаем, что на государственном хранении в нашей стране находится 494 таких рукописи. Если учесть все древнейшие славянские книги зарубежных собраний, то в совокупности с российскими их будет около тысячи. О чём это говорит? О том, что вне исторической территории русского народа сохранилось столько же книг, сколько и внутри, что противостоит, естественно, ибо по месту производства их должно было бы быть намного больше. То есть, как можно догадаться, внутри нашей страны русские книги яростно уничтожались, а снаружи — нет, хотя условия сохранности книжности вообще мало отличались.

Ещё информация: от XII–XIII веков сохранилось примерно столько же книг, что и от XIV века (314 ед.).

Но вот перед нами следующая цифра, заставляющая серьёзно задуматься. Судя по “Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР” (М., 1986), на государственном хранении находится 3422 книги этого периода.

Нетрудно видеть, что в течение каких-то ста лет без особых видимых причин количество сохранившихся книг выросло на порядок: с 314 до 3422! Что стоит за этими цифрами, за этим количественным скачком?

На мой взгляд, это последствия победы русских на Куликовом поле и последующего свержения татарского ига.

Дело в том, что только в XV веке перестали систематически уничтожаться татарами книжные сокровища в ареале исконного русского проживания и книгоделания¹⁹. Перестали уничтожаться в столь чудовищно массовом количестве и сами русские читатели. Иначе объяснить, почему от XV века при всех прочих равных условиях сохранилось рукописей на порядок больше, чем от XIV, невозможно.

О том, как это бывало, малое представление даёт Лаврентьевская летопись, которая под 1237 годом сообщает, что из разорённого Владимира-на-Клязьме воины Батия в качестве трофеев вывезли книги. Зачем они понадобились монголам — неизвестно. Вряд ли для чтения. Но из культурного оборота наших предков они были вырваны навсегда. И так было с 1230-х годов примерно до середины XV века повсеместно, кроме северных и крайних юго-западных территорий Киевской Руси.

Впоследствии татарские экспедиции, в том числе карательные, ещё не раз наносили нам существенный урон. К примеру, повесть “О московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русской” в таких словах повествует о разорении Москвы 26 августа 1382 года: “И книг множество снесено со всего града и с сёл, в соборных церквях множество наметано, охранения ради спроважено, то всё безвестно створиша”²⁰. То же повторилось при нашествии Девлет-Гирея в 1571 году и т. п. Характерно, что русские люди, чтобы

защитить любимые книги от врага, сносили их под защиту церковных стен, но это не могло спасти драгоценные рукописи, и они горели, подождённые татарами, вместе с церковными стенами.

Для всякого, кто понимает значение создания, накопления, интерпретации и передачи информации, вряд ли нужно что-то комментировать.

Утрата положения в мире. Догоняющий путь развития

Итак, поиск “точки бифуркации”, исторической развилки, пройдя которую, Русь вступила на путь развития, вечно догоняющего Европу, ведёт нас именно туда, в роковые 1230–1240-е годы.

Сказанное позволяет полностью поддержать вывод, сделанный Сапуновым: “Ни с чем не сравнимые потери понесла русская культура в страшные годы нашествия орд Батыя. Монголы не только нанесли нашей цивилизации непоправимый урон, они на столетия затормозили поступательное движение русского народа”²¹.

Подчеркну: четверть тысячелетия длившаяся безжалостная и хищническая власть завоевателей – не единственная, но главная причина нашего цивилизационного отставания. Сегодня делаются попытки, глядя в прошлое сквозь мутные очки толерантности и политкорректности, выдавать эту власть чуть ли не за обоюдно полезный симбиоз поработителя и порабощённого²². Но в подобных спекуляциях нет ни грана правды.

Власть татар изменила территориальную конфигурацию Древней Руси, её место в окружающем мире, её геополитическое значение, всё содержание её внешней политики, экономических и культурных связей. Древняя Русь (под этим выражением подразумевается теперь преимущественно Северо-Восточная Русь, поскольку Юго-Западная частично исчезла, а оставшаяся часть оказалась на периферии, отрезанная инородцами от русского православного материка), а точнее – древнерусский народ ордынского периода обрёл статус народа-изгоя. Не по своей воле.

Правду сказать, не одни татары тому виной. Утратив после смерти князя Святослава Хороброго характер цельной и централизованной самодержавной страны и упав в пропасть удельных распрей, феодальных усобиц, Киевская Русь сделалась “киевской” лишь номинально. Естественно, “русская федерация” (этот нелепый термин сегодня поднят на щит некоторыми историками) немедленно прекратила попытки территориального расширения, свойственные ей от Рюрика до Святослава, и стала, напротив, сокращаться в размерах, теряя геополитическую инициативу. Чем не преминули воспользоваться как степняки-кочевники, так и ближайшие соседи с Запада – поляки, литовцы, а там и шведы, и немцы.

Уже к XII веку усилиями печенегов, а затем половцев русские поселения на части земель, прилегающих к Дону, Донцу и нижнему Днепру с притоками, заметно сокращаются. Соответственно, под сомнение ставится значение Руси как территории межцивилизационного транзита – знаменитого “пути из варяг в греки”. Балтийско-черноморский и балтийско-каспийский пути, бывшие с дорюриковых времён экономической основой жизни славянских летописных племён, становятся проблемными, в значительной мере прерываются. Мечты Святослава о переносе столицы из Киева на Дунай, о новых землях в Степи, в Поволжье, Подунавье, нижнем Приднепровье за счёт разгрома хазар, болгар и византийцев-ромеев – всё это остаётся в прошлом. Причём конец этим мечтам, что симптоматично, кладут именно кочевники печенеги, взявшие под свой контроль днепровские пороги и превратившие череп знаменитого воителя в пиршественную чашу. А там и половцы подросли, выдавливая славян из Придонья. Не случайно и поляки уже сразу после смерти Владимира Святого дерзают вторгаться на южные территории русских князей, захватывают Киев. Вообще в результате княжеских усобиц Киев начинает терять своё значение, особенно после жестокого погрома, учинённого коалицией князей-рюриковичей под водительством Андрея Боголюбского в 1169 году. Не случайно ещё задолго до татарского нашествия русские люди потянулись с Киевщины, вообще с южных и юго-западных степных и лесостепных земель на скудные, безопасные лесистые земли Северо-Восточной Руси, на Владимирщину.

Но! Монголо-татарское владычество резко изменило всю карту Древней Руси. Не говорю уж о том, что древний великий город Киев впал в совершенное

ничтожество, но произошло практически полное запустение огромного ареала бывших русских оседлых поселений Юга, на месте которых возникло Дикое Поле (повторно оно было заселено русскими людьми уже только в XVI–XVIII веках). Лишившись своих южных земель, “Русь Ордынская” оказалась вся в зоне рискованного земледелия, суровых климатических условий и относительно дорогого производства.

При этом вообще изменилось понятие “Русской земли”, воспетой автором “Слова о полку Игореве”. Когда-то оно относилось ко всей территории Киевской Руси. Теперь же фактически в отрыве от всего древнерусского этноса оказалась Галицко-Волынская Русь, подпавшая под влияние Рима (князь Даниил принял королевскую корону из рук Папы) и на века превратившаяся для нашего народа в “отрезанный ломоть”. Связи южных и юго-западных княжеств с северо-восточными оказались разорваны. Поэтому, когда полоцкие, киевские, турово-пинские, волынские, галицкие, поднепровские и другие исконно русские земли немедленно, уже с середины XIII века стали подвергаться не только татарским набегам, но и планомерной экспансии со стороны западных соседей — литовцев, поляков, венгров и немцев, на помощь им уже не могла прийти владими́ро-суздальская Русь, ослабленная усобицами и татарами. “Матерь русских городов” Киев оказался под властью Литвы; Можайск становится пограничным городом, за которым простираются уже литовские владения; в XIV веке Москву дважды осаждали войска князя Ольгерда и т. д. Это тоже следствие татарского ига.

Кроме того, внутри собственно центральной древнерусской земли, оставшейся под контролем или патронатом Рюриковичей, произошли очень большие изменения.

Во-первых, татары, верные главному принципу всех завоевателей “разделяй и властвуй”, всячески стимулировали процесс дробления, измельчания уделов, число которых к приходу татар уже насчитывало 50, а к XIV веку возросло аж до 250 — в пять раз! Несмотря на то, что уже с 1304 года великие князья владимирские официально именовались “великими князьями всея Руси”, на деле их домен ограничивался территорией волости Владимира-на-Клязьме, к которой в XIV веке добавилось Переяславль-Залесское княжество.

Во-вторых, политическое значение былых уделов существенно, а порой радикально изменилось: одни стали его терять (Ростов, Суздаль, Владимир и др.), другие — обретать, усиливать (Тверь, Москва, Нижний Новгород и др.). Татарские владыки, раздавая ярлыки, тасовали колоду русских княжеств, постоянно переопределяя не только их границы, но и их соподчинённость, иерархию. Политические игры при дворе ханов стали определять очень многое в судьбе княжеств, диктуя князьям внешнюю и внутреннюю политику. Утрата суверенитета князьями была почти абсолютной, а попытки его хоть отчасти восстановить кончались карательными походами Орды, завершавшимися, как правило, жестокими избиениями и полонением жителей, подвластных неосторожному князю.

Понятно, что никакой единой и даже сколько-нибудь внятной внешней политики Русь Ордынская, раздробленная на сотни уделов, вести не могла, договороспособностью не обладала и субъектом международного права не являлась. Это, между прочим, ещё одно подтверждение несостоятельности выражения “Владимирская Русь”. По сути, единственным “международным партнёром” для русских князей стала сама Орда, в суровой школе которой и возрастала русская дипломатия. Со временем обретенные в этой школе черты станут для неё определяющими: “строжайшая секретность, жёсткий контроль за кадрами, безжалостная расправа не только с явными отступниками, но и с лицами, позволявшими себе хоть на йоту отклониться от инструкций” (В. В. Похлёбкин).

Одним из признаков утраты суверенитета было также обязательство князей являться в Орду и поставка рекрутов или участие в военных инициативах ханов по их первому требованию — “налог кровью”. К примеру, в 1282 году Ногай и Тула-Буга велели галицко-волынским князьям пойти с ними на венгров, а в следующем году — на Польшу. Всего в 1270–1290-х годах татарами было организовано 14 походов, в которых пришлось принять участие и подневольным русским воинам.

При этом помощи от татар, в случае агрессии западных народов, ждать не приходилось, отбивались как могли своими силами²³.

Мне кажется, сказанного достаточно, чтобы не поддаваться на мнимо полторекорктные теории, внушающие нам, что никакого татарского ига не было.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Каргалов В. В.: 1) Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига // "Вопросы истории". 1969. № 2–4; 2) Феодалная Русь и кочевники. М., 1967; 3) Конец ордынского ига. М. 1980; Кучкин В. А. Русь под игом. "Панорама", 1991; Тюрин А. В. Война и мир Ивана Грозного. М., 2009.
- ² Цит. по кн.: Тюрин А. В. Война и мир Ивана Грозного. М., 2009.
- ³ Ершов С. А. Великая Русь. Народонаселение и войны I–XX вв. М., Феникс-Плюс, 1997.
- ⁴ Историк В. В. Мавродин подсчитал, что "за XIII, XIV и первую половину XV в. русские выдержали больше 160 войн с внешними врагами, из которых 45 – с татарами, 41 – с литовцами, 30 – с немецкими рыцарями, а все остальные – со шведами, поляками, венграми и др." (Мавродин В. В. Образование русского национального государства. М.-Л., 1941. С. 127). Нужно понимать, что из этого перечня только войны с татарами носили катастрофический характер русского разгрома и были для нас особенно кровопролитны и абсолютно убыточны во всех отношениях.
- ⁵ Е. В. Балановская, О. П. Балановский. Русский генофонд на Русской равнине. М., ООО "Луч", 2007. 416 с., илл. С. 298.
- ⁶ Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 23.
- ⁷ Miller D. Monumental Building as an Indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138–1462 // The American Historical Review. Vol. 94. № 2. 1989. P. 368, 384.
- ⁸ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 23.
- ⁹ Наиболее богатые купцы платили тамгу индивидуально, остальные объединились, чтобы выплачивать её сообща.
- ¹⁰ Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1958. Т. 13, вып. 2. С. 110–111.
- ¹¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 525–533; 780–781.
- ¹² Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., Наука, 1978. С. 76–82.
- ¹³ Там же. С. 14, 29, 221.
- ¹⁴ Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб, 1866. С. 251.
- ¹⁵ Там же. С. 129.
- ¹⁶ Там же. С. 129.
- ¹⁷ Там же. С. 122.
- ¹⁸ Там же. С. 129.
- ¹⁹ Конечно, такие постоянно действующие в деревянной Руси факторы, как пожары или простое небрежение, продолжали уничтожать книгохранилища, но ведь эти факторы действовали как до, так и после татар (вспомнить хотя бы пожар Москвы 1812 года, погубивший единственный подлинный список "Слова о полку Игореве"). Никакими постоянно действующими факторами разрыв в книжном богатстве между XIV и XV веками не объяснить: здесь произошло нечто экстраординарное, а именно – свержение татарского ига, прекращение регулярных набегов.
- ²⁰ ПСРЛ, т. VIII, под 1382 г. См. также: Т. II. С. 85–89; Т. III. С. 29, 133, 232; Т. V. С. 16; Т. VI. С. 99–102.
- ²¹ Сапунов Б. В. Указ. соч. С. 17.
- ²² Подобные идеи можно встретить у историка Л. Н. Гумилёва, филолога В. В. Кожинова, писателя Б. В. Васильева и др.
- ²³ Известен случай, когда по просьбе Льва Галицкого войска Менгу-Тимура зимой 1274–1275 годов отправились карать Литву, но поход в глубь Литвы так и не состоялся, всё ограничилось взятием одного Новгорода.